

Чэнь Инхуай, покинув вместе с Е Чунином то место, сразу же направился в Секту Иллюзорной Звезды на мече.

Сидя на мече, Е Чунин смотрел на проплывающие внизу пейзажи, и в душе его царило полное недоумение.

Почему они направляются не в Главный дворец Сюаньцзи?

В секте царили мир и покой.

Вздымающийся к облакам Пик Юйхэн то появлялся, то исчезал в туманной дымке, словно сказочная обитель.

Чэнь Инхуай приземлился вместе с Е Чунином на Пике Юйхэн и с мягким взглядом посмотрел на него.

— Чунин, пока поживёшь здесь, — Чэнь Инхуай указал на изящный двор, находившийся впереди.

— Твой Учитель уединённо совершенствуется.

Е Чунин промолчал, ощутив знакомое до тошноты чувство бессилия.

Если он не ошибался, уровень cultivation его Учителя сейчас, должно быть, уже не имеет равных в мире.

Зачем ему снова закрываться на совершенствование?

— Надолго? — осторожно спросил Е Чунин.

Чэнь Инхуай с улыбкой покачал головой:

— Этого я не знаю. Глава секты всегда уединяется на неопределённый срок.

Сердце Е Чунина упало. Похоже, на этот раз он действительно влип по-крупному.

Впрочем, временно жить на Пике Юйхэн было неплохо.

Не только духовная энергия здесь густая, что делает это место превосходным для cultivation, —

но и учеников на Пике Юйхэн немного. С тех пор как десять лет назад личный ученик Старейшины Хуа трагически погиб, тот больше никого не брал в ученики.

Так что можно не беспокоиться о человеческих отношениях.

Чэнь Инхуай провёл Е Чунина во двор, отведённый ему на Пике Юйхэн.

— Отдохни пока. У меня есть ещё кое-какие дела.

— Ученик провожает Старейшину.

Чэнь Инхуай кивнул и покинул это место.

Е Чунин же тем временем принялся внимательно осматриваться.

Внутри двора разливался аромат цветов, и в изобилии росли разнообразные духовные растения.

Он не жил здесь много лет, но, к его удивлению, не изменилась ни одна травинка, ни одно деревце.

Е Чунин заметил во дворе огромное персиковое дерево. На его стволе был вырезан иероглиф. «Нин».

Когда-то его собственноручно вырезал Старейшина Хуа.

Е Чунин подошёл к персиковому дереву, протянул руку и погладил эту надпись. В душе его всколыхнулось необъяснимое чувство.

В детстве, когда его Учитель ради стабильности секты и этого Предела часто уединялся, повышая своё совершенствование, и не имел возможности заниматься им, —

именно Старейшина Хуа заботился о нём. Он провёл здесь своё детство. Пусть и короткое, но это было самое прекрасное время в его жизни.

Е Чунин уже собрался войти в комнату, как вдруг услышал едва уловимый шорох.

Он обернулся и увидел, как из травы высунула голову белоснежная лиса. Круглые глазки с любопытством разглядывали его.

Лиса, поняв, что Е Чунин не желает ей зла, смело подошла и потёрлась пушистой головкой о его штанину.

— Это...

Е Чунин нагнулся и осторожно поднял лису.

Это был Духовный зверь-контрактник Жун Юэцин, личной ученицы Старейшины Хуа.

Сама она была девятихвостой лисой, но в тот день, когда погибла старшая сестра Жун Юэцин, лиса, спасая её, сама оборвала все девять своих хвостов.

Даже её внутреннее ядро разлетелось вдребезги.

Но даже так спасти старшую сестру не удалось, и сама лиса оказалась на грани смерти.

В конце концов экстренно прервавший своё уединение Учитель вмешался, и только тогда лиса не последовала за своей хозяйкой.

Когда весть о гибели старшей сестры достигла секты, обычно мягкий Старейшина Хуа впервые в жизни устроил кровавую бойню.

Он отправил всех, кто был повинен в смерти старшей сестры, сопровождать её.

Если бы не уговоры Учителя, Старейшина Хуа, вероятно, уже вступил бы на путь демона.

С тех пор Старейшина Хуа, взяв лису, жил уединённо, почти не показываясь на людях.

И только когда впоследствии ему поручили заботиться о Е Чунине, Старейшина Хуа постепенно начал выходить из тени.

Е Чунин прижал лису к груди и нежно погладил её мягкую шёрстку.

Лиса, казалось, почувствовала его нежность. Она закрыла глаза, наслаждаясь этой редкой безмятежностью.

Е Чунин вошёл с лисой в комнату и положил её на кровать.

Лиса, по-видимому, очень привязалась к Е Чунину. Она тёрлась о него, легонько царапала лапкой его ладонь.

Глядя на её умильный вид, Е Чунин почувствовал, как в груди разливается тепло.

Он нежно погладил лису по голове, и в глазах его была бесконечная нежность.

— Теперь я буду заботиться о тебе, — тихо произнёс Е Чунин.

Лиса, словно поняв его, тихонько заскулила.

...

Хотя в мире совершенствования и существуют Четыре Предела, которые выглядят равными по

силе, на самом деле Духовная область Цзюяо всегда считалась первой среди них.

Главная причина — в Духовной области Цзюяо множество кланов и сект, а сильных практиков — как песка в море.

Поэтому большинство практиков в Духовной области Цзюяо, как правило, смотрели на всех свысока.

Особенно те, кто происходил из знаменитых и влиятельных семей, — они были просто невероятно заносчивы.

Они презирали практиков из других трёх Пределов, считая их никчёмными и не стоящими упоминания.

И только десять лет назад, когда один практик из Морской области Яогуан устроил кровавую баню в Духовной области Цзюяо, эти высокомерные типы наконец-то пришли в себя.

Но ввевшаяся в кости гордость всё ещё не поддавалась искоренению.

Вслух они, возможно, ничего не говорили, но в глубине души всё равно считали, что тот практик из Морской области Яогуан просто случайно преуспел, и что Духовная область Цзюяо по-прежнему остаётся первой из Четырёх Пределов.

Однако у этих практиков из знатных семей было ещё одно общее качество: они терпеть не могли Императора Цзюяо.

Считая его лицемером.

Особенно в этом преуспевали Семья Е и Долина Лихо.

Почему Долина Лихо относится к Императору с пренебрежением, им было неизвестно, но вот Семья Е — потому что Император Цзюяо слишком много о себе возомнил.

Он полагал, что, будучи Императором, может командовать главой Семьи Е, но тот просто не обращал на него внимания.

В конце концов он просто передал управление кланом своему старшему сыну.

А старший сын Семьи Е...

Был ещё менее склонен считаться с репутацией Императора, чем его отец.

...

Лу Цзюань и Е Юньсяо, покинув Лес Десяти Тысяч Зверей с помощью пересыльного талисмана

Чэнь Инхуая, разошлись.

Е Юньсяо, не теряя ни минуты, поспешил обратно в Семью Е.

Семья Е располагалась на воздушном острове на самом востоке Духовной области Цзюяо, который назывался Остров Души Дракона.

А поскольку Божественным зверем-хранителем клана был Лазурный Дракон, их ещё называли Семейей Е Лазурного Дракона.

Едва ступив на Остров Души Дракона, Е Юньсяо почувствовал, как на него нахлынула волна густой духовной энергии.

Он прошёл сквозь окутанные облаками пики и издали увидел величественный дворец — главный зал Семьи Е.

Сердце его наполнилось волнением. Он ускорил шаг, желая поскорее увидеть старшего брата.

Издали он заметил, что старший брат уже ждёт его снаружи зала.

Е Юньцзинь — имя звучало несколько по-женски, но он был самым настоящим старшим сыном Семьи Е и будущим главой рода.

Сам Е Юньцзинь пользовался глубоким уважением среди членов клана, а число его поклонников и поклонниц было бесчисленным.

Он был сама элегантность, благороден и мягок, словно сияющая жемчужина.

Черты его лица были безупречно прекрасны, кожа бела, словно нефрит, а ясные глаза, казалось, могли проникнуть в самую душу человека.

Губы его были чуть приподняты в уголках — на них всегда играла лёгкая, тёплая улыбка, заставлявшая людей чувствовать его расположение и душевное тепло.

Сейчас он был одет в синюю рясу и тихо стоял у входа в зал, устремив задумчивый взгляд вдаль.

Увидев приближающегося Е Юньсяо, в его глазах мелькнула радость, и он быстро шагнул навстречу.

— Второй брат, вернулся.

Голос Е Юньцзиня был мягким и бархатистым, от него на душе становилось тепло и хотелось довериться.

Е Юньсяо тоже расплылся в улыбке. Он быстро подошёл и крепко обнял Е Юньцзиня.

— Старший брат, я вернулся.

В его голосе слышались волнение и радость.

Они разомкнули объятия, и Е Юньцзинь похлопал Е Юньсяо по плечу. В его взгляде читалось одобрение.

— Твоё нынешнее обучение прошло недаром, верно?

Услышав это, Е Юньсяо кивнул. Вспомнив настороженного Е Чунина, он чуть заметно улыбнулся.

— Ага, я встретил одного интересного парнишку.

— О? — Человек, способный заинтересовать Е Юньсяо, заинтриговал и Е Юньцзиня.

— Жаль, что он ученик главы Секты Иллюзорной Звезды.

Е Юньсяо слегка нахмурился, в его голосе послышалось сожаление.

Е Юньцзинь был несколько удивлён. Вовсе не потому, что он недолюбливал главу Секты Иллюзорной Звезды.

Напротив, он очень уважал Сян Муцина. Всего за десять лет, проведённых в Секте Иллюзорной Звезды, где было полно сильных практиков, тот сумел занять пост главы и удержать его.

И при этом ещё и держать в узде всех недоброжелателей.

К тому же ходили слухи, что нынешнего Императора Морской области Яогуан вырастил лично Сян Муцин.

Если бы не разница в положении, он бы непременно нанёс визит этому легендарному главе секты.

— И что с того? Если он тебе нравится, просто общайся, — Е Юньцзинь не придавал этому значения. Он мягко улыбнулся и слегка похлопал Е Юньсяо по плечу.

К тому же он считал, что ученик, которого воспитал глава Сян, наверняка обладает и превосходными навыками, и отличными моральными качествами.

Услышав это, в глазах Е Юньсяо мелькнула радость. Он знал, что старший брат никогда не

станет перечить его решениям.

— Спасибо, старший брат!

Е Юньсяо был преисполнен благодарности. Старший брат всегда его во всём поддерживал.

Они пошли плечом к плечу к главному залу, беседуя по дороге.

Никто из них не заметил, что на одной из nearby вершин стояли двое и издалека смотрели на них. Взгляды их были полны противоречивых чувств.

— Глава, будем вмешиваться? — спросил тот, что был помоложе.

— Нет. Пусть всё идёт своим чередом.

— Слушаюсь.

...

Тем временем Лу Цзюань вернулся в Долину Лихо.

Однако, едва он вошёл, как его путь преградила чья-то фигура.

— Младший брат Лу, глава долины просит тебя пожаловать в Зал Уцзинь.

Лу Цзюань слегка опешил, не понимая, в чём дело.

С чего это его никчёмный учитель вдруг вспомнил о нём?

Но он всё же кивнул и направился в Зал Уцзинь.

Миновав буйную бамбуковую рощу, они подошли к Залу Уцзинь, расположенному в глубине долины.

Зал Уцзинь был величествен и внушал благоговейный трепет.

Но Лу Цзюань, который с детства играл в этом зале, как в лабиринте, чувствовал себя здесь чрезвычайно уютно.

Едва он ступил в главный зал, как на него пахнуло жаром.

В центре зала, на главном сиденье, восседал мужчина средних лет.

Вид у него был суровый, взгляд — как два раскалённых угля, а одежда — алая, словно пламя, отчего он казался обжигающе-горячим и невероятно могущественным.

Этим человеком был глава Долины Лихо — Хун Линхао.

Он заметил вошедшего Лу Цзюаня и слегка приподнял бровь, словно удивляясь.

— Паршивец, вернулся?

Голос Хун Линхао был низким и властным, каждое слово, казалось, дышало жаром пламени.

Лу Цзюань почесал затылок и, с беззаботным видом подойдя к Хун Линхао, отвесил поклон.

— Учитель, я вернулся.

Хун Линхао фыркнул, на лице его появилось выражение досады.

К этому своему ученику он испытывал одновременно и любовь, и ненависть.

Обладая выдающимся талантом, тот упорно отказывался совершенствоваться и целыми днями только и делал, что развлекался.

Но каждый раз, когда он попадал в беду, ему каким-то образом удавалось выкрутиться, заставляя всех лишь удивляться его невероятной удаче.

— Хватит паясничать. Его старший пришлёт официальную жалобу!

Хун Линхао при одной мысли о том листе бумаги, исписанном отборной бранью, хватался за голову.

Он, взрослый человек, вынужден был выслушивать подобные оскорбления!

И, как назло, он не мог одолеть Сян Муцина, так что пришлось проглотить эту обиду.

— Давай, рассказывай. Как ты умудрился обидеть его ученика?

Лу Цзюань мгновенно принял до ужаса преувеличенное выражение лица, изображая крайнюю обиду:

— Да я ничего такого не делал!

— М? — В голосе Хун Линхао слышалась строгость, заставившая Лу Цзюаня убрать улыбку.

— ... Ну хорошо. Он пострадал, спасая меня.

Лу Цзюань с некоторой долей стыда почесал нос.

— Я тебе сколько раз говорил — усердно совершенствуйся, а ты не слушал. А теперь, когда возникла опасность, тебя пришлось спасать. Ты хоть знаешь, что он младше тебя?!

Хун Линхао распалялся всё больше, ему уже хотелось отвесить Лу Цзюаню затрещину.

Лу Цзюань понимал, что он не прав, и не осмеливался перечить. Он только опустил голову и тихо пробормотал:

— Чунин на меня и не обижается. Может, отправить ему в качестве компенсации лекарства из нашей кладовой?

Вспомнив, как Е Чунин несколько раз заслонял его собой, он не смог сдержать глупой улыбки.

<http://bllate.org/book/18935/1855173>